

М.А. Перепелкин^{*}

В. ВЫСОЦКИЙ: «ТРИПТИХ» О ЗЕМЛЕ^{**}

В статье рассматривается «триптих» В. Высоцкого о Земле, выявляется, как в нем осуществляется последовательное движение от недофизики к физике и метафизике, от гипотетической метафизики к метафизике как факту и, наконец, от метафизических умозаключений к физической убедительности и от конфликта физического и метафизического – к их единению в человеке.

В 1969-1972 гг. из-под пера В. Высоцкого вышло три внутренне тесно связанных текста, имеющих прямое отношение к сюжету метафизических исканий поэта. Эти тексты, отличающиеся тематически (два из них относятся к так называемым военным песням Высоцкого, третий – к профессиональным), могут быть объединены в своеобразный «триптих» песен о Земле, представляющий собой определенную внутреннюю целостность – философскую и художественную.

Триптих составляют «Песня о Земле» (1969), «Марш шахтеров» (1970/71) и «Мы вращаем Землю» (1972).

В первом из названных текстов отчетливо выделяются три смысловых сегмента, за каждым из которых закреплена особая роль в развитии сюжета.

Первый сегмент:

Кто сказал: «Все сгорело дотла,
Больше в землю не бросите семя!»?
Кто сказал, что Земля умерла?

^{*} © Перепелкин М.А., 2006

Перепелкин Михаил Анатольевич – кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета.

^{**} Статья подготовлена при поддержке гранта 244 Г1.4П для студентов, аспирантов и молодых ученых Самарской области за 2006 г.

Нет, она затаилась на время!
Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Второй сегмент:

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки – как раны зияют.
Обнаженные нервы Земли
Неземное страдание знают.

Она вынесет все, переждет, –
Не записывай Землю в калеки!
Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?!

Третий сегмент:

Нет! Звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин,
Ведь Земля – это наша душа, –
Сапогами не вытоптать душу!

Кто поверил, что Землю сожгли?!
Нет, она затаилась на время...

[1. С. 266]

Первый сегмент, состоящий из двух первых строф, почти целиком построен из стершихся образов и стилистических штампов, – от кем-то брошенного «Все сгорело дотла...» до убежденного «Нет, она почернела от горя». О том, что перед нами именно штампы, свидетельствует тавтологический характер как тезиса, которым начинается текст, так и антитезиса, являющегося сюжетным стержнем стихотворения. Два простых предложения, из которых состоит тезис, если задуматься, дублируют друг друга, не добавляя к тому, что уже известно, ничего нового: «все сгорело дотла... в землю не бросите семя». Механически удваивают друг друга также и контраргументы, свидетельствующие о неисчерпаемости земного материнства, так как ни один из доводов в равной

степени не может быть доказан или опровергнут: «материнства не взять у Земли... как не вычерпать моря».

Роль второго сегмента, также состоящего из двух строф, заключается в возвращении словам их утраченного живого значения. В этих строфах происходит остранение штампов, стершимся образам и фигурам возвращается их подлинный смысл. Для этого Земля не просто сравнивается с человеческим существом, как это уже было выше, а представляется самим этим существом, к тому же – пребывающим в кризисной ситуации, страдающим. Деметафоризация образа земли/матери человека происходит следующим образом: оттолкнувшись от штампа «материнство... Земли» во второй строфе, Высоцкий дважды обнажает анатомию данной стершейся метафоры сравнениями «траншей» с «разрезами» и «ран» с «воронками», одновременно стирая различия между ними, и, наконец, дает новый метафорический образ, уже не кажущийся метафорой: «Обнаженные нервы Земли...».

В третьем сегменте, равном одной строфе, физическое страдание Земли обнаруживает в ней новые – уже не физические – качества. «Земля», во-первых, способна «звенеть» и, во-вторых, оказывается, собственно, и не землей или не только землей, а – «душой». Таким образом, физические качества оказываются не единственными и далеко не главными способностями Земли, также не равной своим земным пределам.

Таким образом, в рамках стихотворения осуществляется движение вначале от мертвых формул и речевых фигур к их подлинному содержанию (поиск и обретение «физики»), затем – от простых физических истин к тому, что лежит в их основании (от «физики» к «метафизике»). В последнем двустишии, завершающем стихотворение, суммируются все три пройденные ступени – «риторическая», «физическая» и «метафизическая».

Второй текст – «Марш шахтеров» – также состоит из трех сегментов, каждый из которых включает в себя две строфы и повторяющееся двустишие-припев.

Первый сегмент:

Не космос – метры грунта надо мной,
И в шахте не до праздничных процессий, –
Но мы владеем тоже внеземной –
И самую земною из профессий!

Любой из нас – ну чем не чародей?!
Из преисподней наверх уголь мечем.
Мы топливо отнимем у чертей –

Свои котлы топить им будет нечем!

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Второй сегмент:

Да, сами мы – как дьяволы – в пыли,
Зато наш поезд не уйдет порожний.
Терзаем чрево матушки-Земли –
Но на земле теплее и надежней.

Вот вагонетки, душу веселя,
Прносятся как в фильме о погонях, –
И шуточку «Даешь стране угля!»
Мы чувствуем на собственных ладонях.

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

Третий сегмент:

Воронками изрытые поля
Не позабудь – и оглянись во гневе, –
Но нас, благословенная Земля,
Прости за то, что роемся во чреве.

Не бойся заблудиться в темноте
И захлебнуться пылью – не один ты!
Вперед и вниз! Мы будем на щите –
Мы сами рыли эти лабиринты!

Взорвано, уложено, сколото
Черное надежное золото.

[1. С. 315-316]

Первый сегмент представляет собой своеобразную гипотезу того, что есть метафизика. Гипотеза состоит в утверждении, что метафизическое, по существу, есть то же самое, что физическое, но взятое не с поверхностной точки зрения, а изнутри, то есть опять-таки с точки зрения своей глубинной сущности. В тексте стихотворения то, о чем было сказано выше, передано через утвер-

ждение: «... мы владеем... внеземной – и самую земную из профессий». Правда, пока это утверждение не имеет под собой доказательств и снимается вопросительной интонацией следующей строки.

Поисками доказательств поэт занят во втором сегменте стихотворения, представляющем собой эксперимент, который нужен для подтверждения выдвинутой гипотезы. Пространство данного сегмента – «чрево матушки-Земли», то есть как раз та самая глубь, которая, как предполагалось выше, и есть метафизическая глубина (ср. наблюдение М. Бахтина, видевшего в «чреве» «центр телесной топографии, где верх и низ переходят друг в друга <...>, земля и небо сливаются» [2. С. 180]). Обратим внимание на то, что обретение искомым доказательств вновь, как и в предыдущем стихотворении, связывается со страданием, теперь выступающим под именем «терзания»: «терзаем чрево...».

Наконец, третий сегмент представляет собой, если можно так выразиться, «теорию метафизического» – в том виде, в котором она представлялась Высоцкому, доказавшему, что метафизика и впрямь другое название физики, взятой в своей сущности. Именно поэтому «Земля» в этом сегменте – «благословенная» и способная на этический поступок субстанция: герой обращается к ней с просьбой «простить за то, что роется во чреве».

Троичная структура текста поддерживается – ритмически и семантически – двойной троичностью «припева» (три глагола плюс три следующих далее слова, в которых можно усмотреть аналогию со структурой земной коры), повторяющего движение внутрь и обретение, в конечном счете, истины-золота.

Третий текст включает в себе движение, в какой-то степени обратное тому, что было проделано в написанной тремя годами ранее «Песне о Земле».

В состав текста входят четыре сегмента, каждый из которых состоит из двух строф, и четыре подсегмента, равных строфе.

Первый сегмент:

От границы мы Землю вертели назад –
Было дело сначала, –
Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи, –
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.

Первый подsegment:

Мы не меряем Землю шагами,
Понапрасну цветы теребя, –
Мы толкаем ее сапогами –
От себя, от себя!

Второй segment:

И от ветра с востока пригнулись стога,
Жметя к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направленье удара.

Не пугайтесь, когда не на месте закат, –
Судный день – это сказки для старших, –
Просто Землю вращают куда захотят
Наши сменные роты на марше.

Второй подsegment:

Мы ползем, бугорки обнимаем,
Кочки тискаем – зло, не любя,
И коленями Землю толкаем –
От себя, от себя!

Третий segment:

Здесь никто б не нашел, даже если б хотел,
Руки кверху поднявших.
Всем живым ощутимая польза от тел:
Как прикрытье используем павших.

Этот глупый свинец всех ли сразу найдет,
Где настигнет – в упор или с тыла?
Кто-то там впереди навалился на дот –
И Земля на мгновение застыла.

Третий подsegment:

Я ступни свои сзади оставил,

Мимоходом по мертвым скорбя, –
Шар земной я вращаю локтями –
От себя, от себя!

Четвертый сегмент:

Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
Принял пулю на вдохе, –
Но на запад, на запад ползет батальон,
Чтобы солнце вошло на востоке.

Животом – по грязи, дышим смрадом болот,
Но глаза закрываем на запах.
Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на запад.

Четвертый подсегмент:

Руки, ноги – на месте ли, нет ли, –
Как на свадьбе росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли –
На себя! От себя!

[1. С. 410-411]

Происходящее в первом сегменте не укладывается ни в какие естественные рамки, противоречит здравому смыслу: вначале Землю «вертят» «назад», потом – «обратно»; солнце «отправляется вспять» и т.д. Перед нами мир, над которым не властны законы физики, – метафизическая вселенная, сквозь почти тотальную «надприродность» которой едва просвечивает естественная мотивировка происходящего: «нам дали приказ... отбирать наши пяди и крохи».

В следующем сегменте надъестественность происходящего еще продолжает быть актуальной («ось земную мы сдвинули», «не на месте закат»), но вместе с тем она дважды объявляется мнимой: «Судный день... сказка», «просто Землю вращают... роты». Таким образом, все немислимое объявляется нелепым и «простым» в своей сущности.

Третий сегмент – воплощенная «простота», естественность, от которой рукой подать до утилитарности: «как прикрыть используем павших». Упрощение касается даже метафор, теряющих метафорическую концентрацию и превращающихся в риторические штампы: «глупый свинец», «Земля... застыла».

В заключительном сегменте удельный вес «метафизического» приблизительно равняется «простым», «физическим» образам и мотивам (первые полустихия обеих строф четвертого сегмента – «физические», вторые – «метафизические»), но вся метафизика представляется здесь вытекающей из «нормального» хода вещей и сводящейся к нему. Таким образом, Высоцкий проделывает путь от метафизических умопостроений к «животом – по грязи» (ср. замечание Л. Томенчук, выделившей следующую черту поэтики Высоцкого: «У Высоцкого преодоление направлено не на уход от того, что есть, и последующее возвращение, а на возвращение к тому, что должно быть и – было, но утрачено, забыто. Это движение от неестественного к естественному...» [З. С. 141]).

Однако оппозиция физического и метафизического, проходящая через все четыре сегмента, уравнивается в строфах-подсегментах, вводящих «человека» как существо, причастное обоим измерениям и таким образом соединяющее земное с внеземным.

Итак, в рассмотренном «триптихе» происходит последовательное развитие от недофизики к физике и метафизике («Песня о Земле»), от гипотетической метафизики через ее физическую проверку к метафизике как факту, конкретной метафизике («Марш шахтеров») и, наконец, от метафизических умозаключений и конструкций к физической убедительности и от конфликта физического и метафизического – к их единению в человеке («Мы вращаем Землю»).

Библиографический список

1. Высоцкий, В. Сочинения: в 2 т. / В. Высоцкий. – Екатеринбург, 1994. – Т. 1.
2. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990.
3. Томенчук, Л. Высоцкий и его песни: приподнимем занавес за краешек / Л. Томенчук. – Днепропетровск: Изд-во «СІЧ», 2003. – 246 с.

*M.A. Perepelkin***V. VYSOTSKY: THE «TRIPTYCH» ABOUT THE EARTH**

The article considers Vysotsky's «triptych» about the Earth, reveals how this «triptych» realizes a consecutive movement from underphysics to physics and metaphysics, from hypothetic metaphysics to metaphysics as a fact and, finally, from metaphysic conclusions to physical convincingness and from the conflict between physics and metaphysics – to their unity in the man.